

ВСЕМИРНАЯ БИБЛИОТЕКА

въ память Л. Н. Толстого.

8(e) Р1
0-34

БГБ, ГФ

83.3(290с = РЧс)

— Отдѣлъ —
«Изъ жизни Л. Н. Толстого».

0 - 34

Н. Овсянниковъ.

Эпизодъ изъ жизни

Л. Н. Толстого.

№ 1036.

Издание „ПОСРЕДНИКА“.

ВСЕМИРНАЯ БИБЛИОТЕКА
въ память Л. Н. Толстого.

84) Р/|
0-34 | T. 8
Ц 158780 - 1

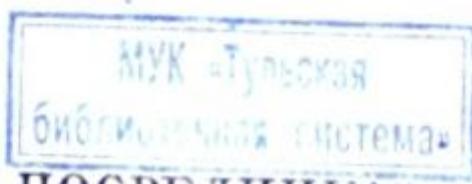
Отдѣлъ
«Изъ жизни Л. Н. Толстого».

Н. Овсянниковъ.

Эпизодъ изъ жизни
Л. Н. Толстого.

№ 1036.

Издание „ПОСРЕДНИКА“.

14+

МОСКВА.— 1912.

Типографія Русскаго Товарищества. Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.
Телефонъ 18-35.

Эпизодъ изъ жизни Л. Н. Толстого^{*)}.

ОТЪ АВТОРА.

Миѣ никогда не случалось встрѣтить ни въ многочисленныхъ біографіяхъ графа Л. Н. Толстого^{**)}, ни вообще въ разсказахъ о немъ эпизода, приключившагося съ нимъ лѣтомъ 1866 года, а между тѣмъ обстоятельство это, какъ я полагаю, не могло не отразиться на впечатлительной натурѣ Льва Николаевича и не повлиять на складъ его послѣдующихъ міровоззрѣній.

Написавши настоящій очеркъ, по моимъ воспоминаніямъ, я счелъ долгомъ отправить его на просмотръ и окончательное редактированіе фактовъ къ самому графу, какъ лицу, непосредственно заинтересованному въ немъ,— и получилъ въ отвѣтъ письменное приглашеніе заѣхать, когда миѣ будетъ удобно, для личныхъ объясненій.

Нашелъ я графа въ стариинномъ саду его московскаго дома, въ кругу своей семьи и знакомыхъ, между которыми былъ профессоръ Гrottъ, впрочемъ, сейчасъ же уѣхавшій.

Л. Н. былъ такъ любезенъ, что тотчасъ, оставивъ всѣхъ, вышелъ ко миѣ и повелъ наверхъ, къ себѣ въ кабинетъ, — маленькая угольная комната, съ такимъ же маленькимъ письменнымъ столомъ; небольшой книжный шкафъ, диванъ, мраморный столикъ и п'есколько мягкихъ стульевъ довершаютъ меблировку кабинета. Изъ оконъ чудный видъ въ садъ.

^{*)} Предлагаемая статья появилась первоначально въ московскомъ журнале «Русское Обозрѣніе».

^{**)} Это писалось до появленія біографіи Толстого, составленной И. И. Бирюковымъ.

Когда мы усѣлись, графъ началъ:

— Я очень радъ, что вы мнѣ доставили удовольствіе воскресить въ своей памяти то, что 23 года тому назадъ такъ сильно меня волновало... Признаться, у меня многое изъ этихъ подробностей стушевалось въ памяти, но теперь я все это припоминаю до мельчайшихъ подробностей... Даже вижу, какъ размѣстились суды за своимъ столомъ: въ срединѣ Юноша, далѣе Кириловъ, Колокольцевъ и Стасюлевичъ... пятаго не припомню... и прокуроръ былъ, кажется, Соколовъ.

Произошла небольшая пауза. Видимо, Л. Н. на минуту погрузился въ воспоминанія пережитаго и прочувствованаго.

— Да, вы правы,—опять заговорилъ онъ,—въ вашемъ предисловіи вы указываете, что этотъ случай военно-полевого суда, но еще есть прибавленіемъ «работы» гильотины, которую я видѣлъ въ Парижѣ, имѣли несомнѣнно огромное влияніе на складъ моихъ послѣдующихъ воззрѣній, какъ выражились вы... Какъ сейчасть помню, я, тогда еще молодой, энергичный (графу было тогда 38 лѣтъ), твердо вѣрилъ, что спасти этого несчастнаго Шибунина—и слѣдуетъ, потому что онъ страдалъ формой особаго рода номѣшательства, называемаго идиотизмомъ, и можно, потому что у меня были кое-какія связи, но до произнесенія приговора я не желалъ пользоваться ими... Я разсчитывалъ, что нашъ законъ, основанный на духѣ милосердія, самъ решитъ это дѣло въ пользу Шибунина, по... я ошибся. Приговоръ, какъ вы знаете, былъ суровый—смертная казнь... Тогда я принялъ другія мѣры; но, къ сожалѣнію, они опять-таки не помогли, и здѣсь уже было явное нежеланіе тогдашняго военнаго министра Милютинъ... а мнѣ очень, очень было жаль этого несчастнаго.

Разговоръ опять какъ-то самъ собою прервался на минуту.

— Графъ, я прислаль вамъ мою рукопись для просмотра и поправокъ фактовъ, если они въ чемъ-нибудь

невѣро изложены, а главное для того, что говорю отъ вашего имени, наконецъ передаю ваши мысли, ваши ощущенія... очень можетъ быть, не только не точно, но и вопреки вашихъ основныхъ убѣждений?—спросилъ я.

— Знаете, у меня есть правило, отъ которого я не отступалъ во всю мою жизнь—никогда ни съ кѣмъ не полемизировать... Я никогда не одобряю и никогда не охуждаю чужихъ писаній,—въ особенности, если дѣло идетъ обо мнѣ. Съ вашей стороны, прислать мнѣ эту рукопись—была только любезность. Конечно, я не могу теперь припомнить всего того, что я говорилъ 23 года тому назадъ; но я думаю, по крайней мѣрѣ сейчасъ, что иначе мыслить я не могъ...

Въ кабинетъ графа вошли двое молодыхъ людей, и разговоръ продолжался при нихъ.

— Слѣдовательно, вы мнѣ позволяете эти ваши слова и ваши мысли напечатать именно такъ, какъ они записаны въ рукописи?

— Я ничего противъ этого не имѣю, но только нѣкоторые мѣста я бы желалъ измѣнить... Они мнѣ не кажутся такъ, какъ освѣтили ихъ вы.

Здѣсь Л. Н. подробно, по рукописи, указать на необходимыя исправленія, добавилъ нѣкоторые, неизвѣстные мнѣ, факты, такъ сказать, виѣшняго характера, связанные съ даннымъ процессомъ, и въ заключеніе сказали:

— Вотъ въ такомъ видѣ этотъ разсказъ будетъ ближе къ истинѣ... а кстати, я помню—рѣчь моя на судѣ гдѣ-то была напечатана, и мнѣ ее привозили послѣ для прочтѣнія. Она была близка къ тому, что я говорилъ на судѣ. Вы бы прекрасно сдѣлали, если бы для полноты картины достали ее... Но гдѣ она была помѣщена—я не помню. (Рѣчь эту я досталъ съ болѣшимъ трудомъ, но она оказалась простою газетною корреспонденціей, помѣщеною въ *Московскихъ Вѣdomostяхъ*, въ отдѣлѣ «Судебной хроники», и занимающей вмѣстѣ со всѣмъ процессомъ не

болѣе ста печатныхъ строкъ,—въ моихъ глазахъ ничего не стоящихъ, о чемъ я тотчасъ написалъ графу).

— Конечно, я постараюсь достать ее во что бы то ни стало,—отвѣтилъ я,—и помѣщу ее здѣсь; но все-таки, графъ, я бы попросилъ у васъ письменного разрѣшенія на напечатаніе этого эпизода изъ вашей жизни. Это нужно для того, чтобы послѣ не возникъ вопросъ, и по моему мнѣнію резонный, какимъ образомъ авторъ могъ знать мысли ваши до и послѣ суда.

— Я вамъ подтверждаю, что и мои ощущенія, и мои слова въ этомъ процессѣ, кромѣ оговоренного мной, могли быть и, вѣроятно, были именно такія, какъ они изложены у васъ, и я ихъ раздѣляю вполнѣ; но давать письменное разрѣшеніе—простите—не могу. Не сердитесь, но это не въ моихъ правилахъ.

Я молча поклонился графу.

— Кстати, вы вотъ въ одномъ мѣстѣ, по-моему, совершенно напрасно съиронизировали надъ крестьянами...

Л. Н. развернула рукопись и прочелъ:

«Эти неразвитые люди,—замѣтѣте, «неразвитые», я вамъ особо подчеркнула,—не могли понимать значенія военной дисциплины».

— Напрасно вы такъ думаете, что эти люди «неразвитые». Повѣрьте мнѣ, нашъ простой народъ—крестьяне далеко не таковы, какъ вы и вообще другіе о нихъ думаютъ.

Я поторопился объяснить, почему эта фраза здѣсь необходима и я не могу ее выбросить.

— Да, если такъ, то я вполнѣ согласенъ съ вами и, дѣйствительно, вижу, что иначе выразиться было нельзя... а знаете, тяжелое и сильное на читателя производить впечатлѣніе эта картина разстрѣлянія... По крайней мѣрѣ, это такъ отразилось на мнѣ... Этотъ священникъ въ черной ризѣ съ крестомъ... Эта барабанная дробь... вообще декорація мрачная...

Разговоръ перешелъ на литературу.

— Откровенно вамъ скажу, что мнѣ, какъ писателю, симпатизируютъ только два маленькихъ журнальчика: *Русское Богатство...* (другого я не разслышалъ).

— Позвольте, графъ, сколько я знаю, вами и въ качествѣ писателя и какъ человѣкомъ интересуется вся русская печать,—возразилъ я,— ну, вотъ, для примѣра, не говоря о толстыхъ журналахъ, изъ политическихъ газетъ *Новое Время?*

— Да, Суворинъ меня любить, это правда, но болѣе какъ человѣка, и я его люблю. Вотъ еще на-дняхъ онъ былъ у меня, взять книгу и на обратномъ пути обѣщалъ завезти ее, но, очевидно, онъ еще не возвращался. Онъ уѣхалъ куда-то на югъ.

Въ разговорѣ вступилъ одинъ изъ присутствовавшихъ молодыхъ людей, и я поспѣшилъ откланяться гостепріимному хозяину, котораго такъ долго задержалъ. Провожая меня, Л. Н. вновь поблагодарилъ за возстановленіе въ его памяти этого факта и прибавилъ:

— Я хотѣлъ и уже началъ было самъ по-своему передѣливать вашу рукопись, такъ какъ она меня заинтересовала, но это отняло бы у меня много времени: я вѣдь цѣлкій на работу, а теперь у меня какъ разъ много своего дѣла... а вотъ поскорѣтъ многое нужно, и тогда разскажь только выиграетъ...

Мы распрошались.

Въ новомъ, уже исправленномъ, видѣ я предлагаю эти мои «воспоминанія» читателю, прося не сѣтовать за первую главу, которая очень характерна для исторіи полка, хотя не имѣть прямого отношенія къ «эпизоду изъ жизни графа Л. Н. Толстого».

Считаю не лишнимъ добавить, что, передѣлавъ свою рукопись согласно указаніямъ графа, я счѣлъ своимъ долгомъ извѣстить его объ этомъ и вновь, уже письменно, испросить его разрѣшенія на ея напечатаніе. Въ отвѣтъ я получилъ отъ него письмо, которое и привожу здѣсь цѣликомъ.

Письмо къ автору графа Л. Н. Толстого.

Очень сожалѣю, что никакъ не могу исполнить вашего желанія; какъ я вамъ говорилъ, я всю свою жизнь по отношенію къ писаніямъ обо мнѣ, къ переводамъ, извлеченіямъ и т. п. поступалъ всегда одинаково: ничего не запрещалъ и не разрѣшалъ. Иначе я никакъ не могу поступить и по отношенію къ вашей статьѣ; пожалуйста, не сердитесь на меня за это. Право, мнѣ невозможно иначе.

Вашъ **Л. Толстой.**

17 апРля 1889 г.